

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-483-495
УДК 82.0

**Функциональность динамики содержания концептов БЕЗМОЛВИЕ,
МОЛЧАНИЕ и ПУСТОСЛОВИЕ в художественном тексте
(на материале романа Захара Прилепина «Обитель»)**

Марина Михайловна ГЛАЗКОВА, Варвара Сергеевна ВУКОЛОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0518-9896>, e-mail: rusfilol37@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9726-0199>, e-mail: var.varina2010@yandex.ru

**Functionality of the dynamics of the concepts' content of STILLNESS,
SILENCE, and PRATE in a literary text
(based on the novel "Abode" by Zakhar Prilepin)**

Marina M. GLAZKOVA, Varvara S. VUKOLOVA

Tambov State Technical University
106 Sovetskaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0518-9896>, e-mail: rusfilol37@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9726-0199>, e-mail: var.varina2010@yandex.ru

Аннотация. Статья создана на стыке двух наук – литературоведения и когнитивной лингвистики. Поставлена актуальная проблема художественного смысла динамизма содержания концептов БЕЗМОЛВИЕ, МОЛЧАНИЕ и ПУСТОСЛОВИЕ в романе Захара Прилепина «Обитель». Обоснован вывод о том, что исторические и авторские интерпретации названных концептов используются для выражения авторского сознания, что семантическое содержание изучаемых концептов БЕЗМОЛВИЕ, МОЛЧАНИЕ и ПУСТОСЛОВИЕ служит в романе Захара Прилепина художественно-эстетическим обоснованием причин духовного кризиса русского общества начала XX столетия. Писатель, демонстрируя вытеснение изначального Евангельского содержания концепта БЕЗМОЛВИЕ (достижение святости), а также возникновение дополнительных его интерпретаций, которые формируются в тексте прилепинского произведения на основе периферийных смыслов в авторской интерпретации концептов МОЛЧАНИЕ (ограниченность ума) и ПУСТОСЛОВИЕ (идеологическая пропаганда), утверждает главную идею романа «Обитель», говорящую о губительности для России отказа от православного идеала в постреволюционный период.

Ключевые слова: концепт; ядерные и периферийные концептуальные признаки и их динамика; авторская интерпретация концепта; средства выражения авторского сознания

Для цитирования: Глазкова М.М., Вуколова В.С. Функциональность динамики содержания концептов БЕЗМОЛВИЕ, МОЛЧАНИЕ и ПУСТОСЛОВИЕ в художественном тексте (на материале романа Захара Прилепина «Обитель») // Неофилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 483-495. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-483-495

Abstract. The work is created at the intersection of two sciences – literary studies and cognitive linguistics. We pose the urgent problem of artistic meaning of dynamism of the concepts' content of STILLNESS, SILENCE, and PRATE in Zakhar Prilepin's novel "Abode". We substantiate the conclusion that historical and author's interpretations of the named concepts are used to express the author's consciousness that the semantic content of the studied concepts STILLNESS, SILENCE, and PRATE serves in Zakhar Prilepin's novel as an artistic and aesthetic justification of the spiritual crisis causes in Russian society at the beginning of the 20th century. The writer, demonstrating the crowding out of the original Gospel concept content of STILLNESS (achieving holiness), as well as the emergence of additional interpretations of it, which are formed in the text of Prilepin's work based on peripheral meanings in the author's interpretation of the concepts of SILENCE (limitation of mind) and PRATE (ideological propaganda), confirms the main idea of

the novel “Abode”, which speaks of the destructiveness for Russia of the rejection of the Orthodox ideal in the post-revolutionary period.

Keywords: concept; nuclear and peripheral conceptual features and their dynamics; author's interpretation of the concept; means of expression of the author's consciousness

For citation: Glazkova M.M., Vukolova V.S. Funktsional'nost' dinamiki sodержaniya kontseptov BEZMOLVIE, MOLCHANIE i PUSTOSLOVIE v khudozhestvennom tekste (na materiale romana Zakhara Prilepina «Obitel'») [Functionality of the dynamics of the concepts' content of STILLNESS, SILENCE, and PRATE in a literary text (based on the novel “Abode” by Zakhar Prilepin)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 483-495. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-483-495 (In Russian, Abstr. in Engl.)

1. ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Специфика выражения авторской мысли через концептуальные антиномии в художественном тексте романа Захара Прилепина «Обитель» изучалась в статьях современных исследователей на примерах динамики концептов ПРАВДА, ПОЭЗИЯ, БЛАГО и др. [1; 2].

Не менее значимыми для концепции романа Захара Прилепина, по нашему убеждению, являются авторские интерпретации концептов БЕЗМОЛВИЕ, МОЛЧАНИЕ и ПУСТОСЛОВИЕ, которые формируются в тексте в качестве художественных средств, в результате чего происходит выражение авторского мировидения, заключённого в мысли о важности единственно правильного духовного выбора человеком основной цели своей земной жизни.

2. УТОЧНЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ, ИСПОЛЪЗУЕМОЙ В СТАТЬЕ

Для решения заявленной проблемы необходимо более точно определить термины, которые получили в когнитивной науке различное толкование, такие как концепт, его первосмысл (ядро концепта, концептум), концептуализация и смыслы исторического изменения содержания концепта.

В нашей работе мы, прежде всего, опираемся на определения Ю.С. Степанова, назвавшего концептом определённое количество «базовых слов», составляющих «основу духовной культуры всякого общества» [3, с. 6]. В.В. Колесов вслед за Ю.С. Степановым точно определил термин «ядро концепта» как «первосмысл» и «концептум», поскольку «ядерная зона представляет древний первообраз, начинающий историю концепта»

[4, с. 535], которому мы следуем в нашей статье.

Глубокой разработкой теории концепта занимался учёный Н.Н. Болдырев, который подчёркивал, что концептуализация – это не только «осмысление поступающей информации», но и «мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определённых представлений о мире в виде концептов (то есть фиксированных в сознании человека единиц знания). Основная часть этих концептов закрепляется в языке значениями конкретных слов, что обеспечивает хранение полученных знаний и их передачу от человека к человеку и от поколения к поколению» [5, с. 37].

Захар Прилепин, как свидетельствует художественный текст его романа, был уверен, что иногда главная часть содержания концепта на какое-то время может быть вытеснена из памяти народа или переосмыслена. Подобная концептуализация происходит, как правило, в кризисные эпохи развития человечества. При этом повествователь может вводить в художественный текст новые авторские интерпретации концептов, создавая с их помощью более глубокие и яркие характеризующие признаки образов своих героев и эпохи, которую он описывает.

3. ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА КОНЦЕПТА

Историческая динамика базового концепта БЕЗМОЛВИЕ, отражённая в словарных толкованиях значений слов, показывает результаты интерпретации мира человеком, даёт статические и динамические представления его языкового сознания, поэтому мы обращаемся для сопоставления к толковым словарям, в которых содержится «лексико-

графический анализ ключевых концептов, презентуемых словарными лексемами» [6, с. 3]. В толковых словарях косвенно доказываются, что в исторической динамике значений концептов зафиксированы результаты концептуализации мира, в том числе и те из них, которые отражены в художественных текстах. Захар Прилепин позволяет на языковом материале своей книги отчасти увидеть специфику процессов концептуализации русского мира в языковой картине русского народа в послереволюционной России.

Толковые словари также дают возможность увидеть динамику и специфику национального культурного мировидения. Так, в словаре В.И. Даля конца XIX века о концепте БЕЗМОЛВИЕ не упоминалось вообще, а в словарях Д.Н. Ушакова и С.И. Ожегова, составленных в середине XX века, уже чётко зарегистрировано появление новых интерпретаций концепта БЕЗМОЛВИЕ. Например, Д.Н. Ушаковым в духе сталинского времени периода репрессий была подчёркнута, как положительное качество, покорность человека властям: «Безмолвный – это молчаливый, без слов, спокойный, мирный, исполнительный человек» [7, т. 1, с. 111].

4. СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ БАЗОВОГО КОНЦЕПТА БЕЗМОЛВИЕ

Концепт БЕЗМОЛВИЕ очень важен для каждого русского православного человека, так как он восходит к преданию о пребывании Иисуса Христа в пустыне в течение сорока дней перед началом его служения, которое Спаситель достойно выдержал, преодолев дьявольские искушения.

Подвиг БЕЗМОЛВИЯ представлял огромную значимость для христианства, так как был связан с базовыми концептами ПОКАЯНИЕ, ВЕРА, БЛАГОДАТЬ, СПАСЕНИЕ ДУШИ. Основное ядерное содержание концепта составляло сосредоточение человека на внутреннем мире с целью изменения своей греховной природы путём беспрестанной молитвы о прощении «грехов языка», таких как осуждение, ропот, гнев, ярость, злобность, сквернословие и пустословие, потому что самой трудной задачей для человека всегда было обуздание своего языка как орудия

злых помыслов и страстей, что невозможно без раскаяния и получения помощи Божьей.

В христианском дискурсе концепт БЕЗМОЛВИЕ предстаёт не просто как действие, а как «подвиг» – то есть жертвенный поступок, требующий напряжения всех сил, акт длительный и крайне опасный. Можно выделить в структуре концепта БЕЗМОЛВИЕ четыре части: констатирующую, анализирующую, концептуальную и итоговую.

1. Констатирующий этап заключался в желании верующего сосредоточиться на своём внутреннем мире, на покаянии перед Богом, на личном богообщении, которое было возможно только в одиночестве, без отвлекающих суетных дел земной жизни.

2. Анализирующий этап. Исповедание выявленных грехов и вины своей прежней жизни пред Богом.

3. Концептуальный этап. Избавление от грехов путём непрестанной аскезы и глубокой молитвы о прощении.

4. Итоговый этап. Стяжание духа святого и принятие плодов «духовного делания», достижение святости, получение даров прозорливости и служения людям (излечение болящих и т. д.).

Ю.С. Степанов традиционно выделял три слоя, составляющих содержание концепта:

- 1) основной актуальный признак;
- 2) дополнительные «пассивные» признаки, «являющиеся уже неактуальными», историческими;
- 3) признак, «сохраняющий внутреннюю форму концепта, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме» [3, с. 47].

Таким образом, ядром базового концепта БЕЗМОЛВИЕ было осуществление духовного подвига, заключённого в отказе от всякого общения с людьми, «в затворе», строжайшем посте и непрестанной молитве. Приядерная зона включила когнитивные признаки четырёх этапов реализации данного действия: уход в затвор, усмирение духа, очищение от греховных страстей, освящение и возвращение для служения Богу и людям.

В романе З. Прилепина демонстрируется парадокс: вытеснение из сознания персонажей перечисленных ядерных признаков концепта БЕЗМОЛВИЕ при явном наличии в реальности монахов, свершающих подвиг

безмолвного жития (отшельник и молчальник, живущий на территории бывшего монастыря). Показ писателем процесса вытеснения концепта из сознания героев и замена его новыми интерпретациями, зафиксированными в словарях концепта МОЛЧАНИЕ (например, гордыня) и антонимического концепта ПУСТОСЛОВИЕ и его разновидности (празднословие), возникших в результате отказа от христианской веры.

Словари С.И. Ожегова и Д.Н. Ушакова, охватывающие лексику до 1930–1940-х гг., свидетельствуют о появлении второстепенных, периферийных, достаточно далёких от первосмысла значениях концепта БЕЗМОЛВИЕ, лишь напоминающих о его прежнем евангельском смысле. Речь идёт о следующих периферийных определениях: безмолвный – это «величественный, отрешённый от земного», «мудрый». В словаре С.И. Ожегова о слове «безмолвствовать», например, сказано: «слово несовременное, книжное» [8, с. 50]. Синонимом слова «безмолвие» названо «молчание», которое определено и как «мудрость», и как «ограниченность ума» и «надменность». В этих повествовательных интерпретациях наблюдаются разные смыслы, даже полностью противоположные. Составитель словаря приводит примеры из художественной литературы XIX–XX веков, среди них есть фраза из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»: «Народ безмолвствует» [8, с. 50]. Хотя на самом деле народ в пушкинской трагедии своим БЕЗМОЛВИЕМ проявлял суровое осуждение временщиков, пришедших к власти, Д.Н. Ушаков определял значение слова «молчаливый» как «спокойный», «мирный», «исполнительный» [7, т. 1, с. 111].

В словаре русской ментальности В.В. Колесова охватывались все исторические изменения значения, которые, по мнению составителя, входили в ядерную зону концепта. «Абсолютное величественное молчание природы и человека». Считая основным значением концепта «полный отказ человека или природы от речи, несмотря на наличие сил и желаний», В.В. Колесов показал, что произошло явное расширение содержания концепта БЕЗМОЛВИЕ и в его периферийной зоне («безмолвие ночи», «безмолвие трудов»,

«безмолвие критики», «белое безмолвие») [9, с. 34].

Таким образом, толковые словари показывают семантическое наполнение концептов на основе сравнения их лексических репрезентантов. С помощью словарных значений представляется возможным также определить тенденции динамики исследуемых интерпретаций концептов, которые в романе З. Прилепина обладают функциями характеристики героев и авторского мнения концептов БЕЗМОЛВИЕ, МОЛЧАНИЕ, ПУСТОСЛОВИЕ.

5. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СМЫСЛ АВТОРСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ КОНЦЕПТОВ БЕЗМОЛВИЕ, МОЛЧАНИЕ, ПУСТОСЛОВИЕ В РОМАНЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ»

Концепты БЕЗМОЛВИЕ, МОЛЧАНИЕ, ПУСТОСЛОВИЕ, представленные ядерными и периферийными признаками содержания, зафиксированными в толковых словарях, обретают в романе «Обитель» не только указанные в них, но и новые авторские интерпретации, выполняющие, в основном, функцию характеристики образов и способа выражения авторского мировидения.

В романе З. Прилепина достаточно широко показано, что ядерное содержание концепта БЕЗМОЛВИЕ является базовым, постоянным, так как оно было сохранено в «священнической среде» исключительно фактами реальности: в Соловецком монастыре продолжали «в подземных норах» творить подвиг «безмолвного жития» отшельники, совершающие попытку спасти от духовного падения многих заключённых, в том числе и протагониста романа Артема Горяинова.

Неоднократное появление в лесу, на водах, в биосаду безмолвного отшельника, предлагавшего Артёму для его спасения от отчаяния то ягоды (знак райского блаженства), то лодку (знак движения к новой жизни), так и не помогло Артёму отказаться от неверия в Бога и чувства богооставленности.

Герой продолжал сочинять разрушающие его душу пропагандистские пустышки и с душевным пылом продолжал писать лживые, «угоднические» тексты.

Очевидно, что, с одной стороны, для автора романа «Обитель» концепт БЕЗМОЛВИЕ важен как подтверждение укоренённости русского человека в православной вере, поэтому автором воссозданы вдохновенные образы соловецких подвижников и отшельников, неувязимых и стойких в вере. С другой стороны, повествователь видит катастрофическое разрушение духовности русского человека. Об этом говорят эпизод и молитвы еде; восприятие Артёмом окружающего леса, как «фабрики», где «всё механически стучит и движется» [10, с. 372], его бездушное неприятие приехавшей навестить его матери, его «позорную» связь с любовницей начлагеря и др.

Пропагандистское ПУСТОСЛОВИЕ протагониста также свидетельствует о том, что со временем перед ним обнажилась и проявила себя какая-то страшная подмена, которую герой понять не в состоянии, поэтому Артёму святые молчальники кажутся вросшими в землю «сухими» деревьями [10, с. 372].

Ядерное содержание концепта БЕЗМОЛВИЕ, как показывают словари и автор романа «Обитель», воспринималось в первой половине XX века в явно негативной интерпретации, но всё же с осознанием его «остаточной» ценности в моральном плане.

Например, один из центральных героев романа – начальник лагеря Эйхманис – будучи убеждённым атеистом, как и многие его подчинённые, проводя исследование островов архипелага и скитов на острове Анзере, где были обнаружены землянки отшельников, понял, что православие «не победить никогда».

Потрясённые тем, что монахи существуют в «несовместимых с жизнью» условиях, Эйхманис и другие чекисты начинают упорно разыскивать все поселения «безмолвников», пытаясь понять, каким чудом святые выживали в столь суровых условиях: в холоде, без еды, в тесноте, без движения.

Атеистические убеждения большевиков, их несогласие с «Божьей Правдой» и утверждение «своей правды» (антропоцентрической) не давали ответа на этот вопрос, поневоле заставляя их осознавать «чудесную спасительность» подвига монахов-отшельников. Даже ярый последователь Троцкого револю-

ционер Эйхманис в беседе с Артёмом со злобой говорит о необычной силе проповеди православной церкви, которую невозможно сокрушить и невероятно трудно низвергнуть даже с помощью изохронной лжи.

Несмотря на это, Фёдор Эйхманис, не веря сам, твёрдо уверяет других, что революционные силы победят «попов» за какие-то десять лет, поскольку именно эта задача для большевиков является первостепенной. Начлагеря говорит, что новая власть сумеет расколоть «валун – Россию» и «выколотить» её «нутро», заменив его нужной идеологией.

В романе мысль автора-повествователя проводят не только оставшиеся верными церкви бывшие священнослужители, такие как о. Зиновий, о. Феофан и о. Иоанн. Косвенно свидетельствует об этом также чекистка Галина, вынужденная признать, что на Соловках, которые стали концлагерем, «все лгут, кроме монаха-молчальника, пойманного в земляной норе» [10, с. 729]. Галина, только на первый взгляд, как бы вскользь, ненароком, вспоминает о «задержании» возле Биосада монаха-пустынника. Но, борясь со своей сильной страстью к Фёдору Эйхманису, героиня сравнивает себя с отшельником, не понимая всю нелепость сопоставления своей любви к Фёдору с любовью к Богу [10, с. 729]. Героиня вновь и вновь обращается в своих воспоминаниях к образу России, к тому надгробному огромному камню, хранящему внутри тепло веры, который стоит на монастырском кладбище, что говорит о её согласии с позицией всех «верных» персонажей, погибающих в штрафных изоляторах и на непосильных работах в концлагере, но не предавших свою веру ради личного выживания. Повествователь тоже повторяет мысль о невозможности «выколотить нутро» православной России. По его мнению, идеология большевиков носит временный характер и будет забыта.

Концепт БЕЗМОЛВИЕ в художественном пространстве романа «Обитель» часто интерпретируется героями романа как синоним концепта МОЛЧАНИЕ. Однако автор романа убеждает, что периферийные признаки концепта молчания двойственны, означая «надменность» и «отсутствие слов»; «ограниченность ума и чувств» и гордыню одно-

временно, чего нельзя сказать о базовом концепте БЕЗМОЛВИЕ.

Музыкант Мезерницкий в своей надменности обвиняет русскую интеллигенцию в непонимании простого народа, говорит: «Народ он, знаете ли, тёмный и безмолвный» [10, с. 111]. Стоящее впереди слово «тёмный» свидетельствует о том, что слово «безмолвный» интерпретируется как неграмотный, долготерпеливый, покорный, неспособный на отстаивание своих прав.

Повествователь, комментируя непрерывное пение народных песен другим персонажем Моисеем Соломоновичем, сначала подчеркнул, что этот герой исполняет русские песни с «необычайной» любовью, так, что «казалось, что за его плечами стоят безмолвные мужики – ратью чуть не до горизонта» [10, с. 111], но тут же даёт другое толкование поведению своего персонажа. На самом деле, оказывается, что пение Моисея Соломоновича для него самого было не актом любви к народному творчеству, а демонстрацией его лояльности ко всему русскому из-за страха гибели. Писатель объясняет, что этот персонаж, по сути, никогда и не погружался в истинный смысл русских народных песен, не понимал сути терпеливого и мудрого «безмолвия» русского народа, а, наоборот, воспринимал русское песенное творчество как «плод ограниченности ума» простого неграмотного мужика.

Искажённый смысл концепт БЕЗМОЛВИЕ приобретает и при использовании его в эпизодах пребывания некоторых героев романа «Обитель» в штрафизоляторе. Временный характер «разгрома православия» символизируется в произведении З. Прилепина «Обитель» «безмолвным колокольчиком», который постоянно держит в руке вечно пьяный чекист, охраняющий изолятор. Автор пишет, что охранник «с улыбкой мокрой, вялой и будто присползшей, как штаны с бесстыдного зада, стоял на входе, держа в одной руке безмолвный колокольчик, а другой прихватив его за язык, чтоб не звякнул» [10, с. 264], потому что по звону колокольчика вызывали на расстрел заключённых, а ему ещё не захотелось стрелять.

В этом эпизоде чувствуется авторский намёк на то, что величественный малиновый звон церковных колоколов, умолкнувший

после революции, был заменён на «безмолвный колокольчик», ставший знаком смерти, лжи и ненависти. В художественном тексте романа «Обитель» хотя «нежнейший звон колокольчика» по-прежнему вселял в заключённых надежду на то, что ничего плохого с ними не может случиться, «по Божьей милости», но реальность оказывается безжалостной: «Колокольчик стих – тут же раздался выстрел» [10, с. 504].

Поскольку «Обитель» – остро современный роман З. Прилепина о русском человеке катастрофической рубежной эпохи, то, несомненно, права О.А. Бердникова, которая в своей статье «Роман З. Прилепина «Обитель» как феномен современной русской прозы: контексты понимания» писала: «Открытие Прилепина состоит в том, что он достаточно декларативно ставит типично русские вопросы, но даёт на них нетипичные ответы, погружая читателей XXI века в разные «контексты понимания» (М. Бахтин). При этом название романа и его проблематика актуализируют, в первую очередь, конечно, контекст русской классической традиции. Так, на вопрос «кто виноват?» автор сюжетом романа и системой персонажей отвечает: виноваты все» [1, с. 106].

В анализируемом тексте это осознание даётся через новую авторскую интерпретацию периферийных признаков концепта БЕЗМОЛВИЕ: Безмолвие в романе «Обитель» из обозначения духовного подвига Веры стало пониматься как «тягостное» состояние или «надменное» молчание людей, подавленных своим падением и полным обесцениванием личности человека.

Анализируя христианский контекст понимания, заложенный в романе, который О.А. Бердникова справедливо называет главным и констатирует: «В обитель (монастырь) приходят, чтобы обрести веру в Бога, покаяться и спастись. Прилепин моделирует разные пути спасения героев, при этом исторические детали и события могут быть истолкованы символически: собирание ягод, келья Мезерницкого, лазарет, Лисий остров, бегство с Галиной – разные варианты спасения: в природе, культуре, любви. Но единственно верный путь спасения – через веру – Артём так и не принимает. Действительно, ведь Артём не участвует в общем покаянии на Се-

кирке. Он перечисляет называемые священниками грехи, но не исповедует их» [1, с. 107]. «Тягостное» или «надменное» БЕЗМОЛВИЕ – это, по сути, самое чувство богооставленности, преобладающее в душах многих персонажей романа «Обитель».

В романе «Обитель» косвенно подчёркивается, что содержание концепта МОЛЧАНИЕ, в противовес содержанию концепта БЕЗМОЛВИЕ, имеет двойственный смысл: оно может быть и «спасительным» (молчат, по-своему противостоя властям, отец Феофан, отец Зиновий, бывшие монахи); и губительным: надменное молчание, идущее от гордыни, свойственно Эйхманису, Артёму, Сорокину, Галине, Мезерницкому и другим персонажам произведения).

Если монахи-молчалники явной невероятностью своей жизни в «земляной норе» свидетельствовали о «стяжании» ими Святого духа, питавшего и поддерживавшего силы всех святых подвижников, то этого не хотели видеть те герои романа, которые воспринимали свою свободу как волю совершать зло ближнему: клеветать, насиловать, убивать, злословить, мстить, издеваться над несчастными людьми.

В художественном пространстве романа «Обитель» МОЛЧАНИЕ имеет и другие авторские повествовательные интерпретации: оно может быть «томительным» [10, с. 40], «пугающим» [10, с. 261] или «неловким» [10, с. 217], но чаще всего оно выражает гордыню персонажа, его тщеславие, порождающее ненависть, злобность и другие отрицательные проявления характера.

Надменное МОЛЧАНИЕ почти всегда сменяется у героев Прилепина ПУСТОСЛОВИЕМ. Так, у протагониста романа Артема Горяинова чувство богооставленности выражается в форме агитаторского ПУСТОСЛОВИЯ, то есть избытком клише большевистской пропаганды, которая постепенно овладела всей его натурой. Попав в концлагерь, герой устремился в спортивную среду, которая давала множество преимуществ, но проявил себя не как спортсмен, а как умелый словесный трюкач, искусный демагог и стал, по сути, идеологическим пропагандистом. Повествователь подчеркивает: «Слова, произносимые им, – ...куцые, как бы фантики, ни одно ничего не весит, ни за какое слово не

поймаешь: дунет ветер, и нет этого слова» [10, с. 686]. То же самое можно отнести и к начлагеря Фёдору Эйхманису, утверждавшему «новые истины» в форме такой же пустословной пропаганды и считавшему «безмолвие» монахов «надменным» молчанием, то есть проявлением бунтарства, непокорности и гордыни: «И если батюшка говорит, что советская власть – от Антихриста, – а они говорят это неустанно! – значит, никакого социализма в этой деревне, пока стоит там церковь, – мы не построим!..» – сказал Эйхманис, со злым лукавством косясь на Феофана, будто бы довольный его молчанием. – Поп тащит наш воз в противоположную сторону, и тащит с куда большим успехом! В самом лучшем случае – силы наши равномерны. Мужик слушал попа почти тысячу лет – а мы должны научить его слушать нас – за десять! Это – задача!.. И мы её выполним!» [10, с. 132].

На самом деле, «надменность» и в молчании, и в пустословии проявляют многие «заземлённые» персонажи романа, потому что они готовы «запечатать рот» и «принять обет молчания» только ради земных радостей [10, с. 331]. В этом признаётся и протагонист Артём, мечтающий только о сытости в концлагере. Учёный Осип Троянский и бывший белогвардеец Василий Петрович Вершилин мечтают ещё и об удовлетворении гордыни, о чём свидетельствуют почти все их поступки.

В произведении Захара Прилепина можно различить различные виды пустословия. Концепт ПУСТОСЛОВИЕ (в значении «демагогия») важен для выявления главной идеи романа З. Прилепина, поэтому этот концепт многократно варьируется в художественном пространстве романа «Обитель». Кроме пропагандистского пустословия автором романа выявляется «поэтическое пустословие» главного героя Артёма: протагонист страстно любит поэзию, но не понимает сути ни одного из любимых стихотворений: ни современных авторов, ни классических. Ему нравились абсолютно все стихи, какими бы они ни были: «Артём заучивал их наизусть и повторял про себя, иногда сам не очень понимая зачем» [10, с. 27]. Он любил, например, стихи не известного никому бездарного поэта Бориса Ширяева. Разгадкой тайны такой

странной любви было то, что поэт Ширяев, по словам повествователя, «не без старания, сочинял стихи с чужих голосов» [10, с. 27], то есть вставлял клише большевиков.

В романе «Обитель» связь концепта БЕЗМОЛВИЕ с концептом ПУСТОСЛОВИЕ выявлена в том, что утеряны истинные смыслы их содержания, а на смену им пришли ложные, возникшие в послереволюционную эпоху. Пустословием в историческом контексте, изображаемом Захаром Прилепиным, названы такие слова и выражения, которые являются для русских, по сути, чужими. Речь идёт о двойственности смыслов клише пропагандистского типа. Например, чекистка Галина на допросе говорит заключённому Артёму: «Вы можете встать на путь перековки» [10, с. 178]. На самом деле героиня предлагала ему стать доносчиком.

Смысл слова пустословие обозначен в «Словаре русской ментальности» В.В. Колесова так: «Пустота – самодостаточная бессодержательность ничем не затенённого пространства», времени, места (пустыня, пустошь, пустырь) или объёма (полость пустоты)» [9, с. 139]. В художественном тексте содержится другая интерпретация периферийного содержания концепта ПУСТОСЛОВИЕ: пропагандистская идеологическая ложь, распространённая на научные, поэтические и политические тексты.

Другим периферийным значением концепта ПУСТОСЛОВИЕ, данным автором, становится отсутствие за словами конкретных дел, неподкреплённость слова – поступками. С помощью этой интерпретации концептов характеризуется персонаж Филиппок, «мелкий мужичок», за мудрыми словами которого вместо конкретных дел были страшные деяния. Яркий пример такого пустословия заключён в эпизоде, в котором персонаж говорит велеречиво: «Я молитвенно совершаю свой труд» [10, с. 70], но при этом он не молился и не трудился никогда, а только «ныл и болтал». Он, жестоко убив свою «матушку», лицемерит, называя её уменьшительно-ласкательно, при этом ничуть не раскаивается в содеянном.

Только отец Иоанн продолжает видеть в Филиппке ростки духовного взросления и справедливо считает, что страдания в конце концов преобразят душу и этого «мелкого

мужичка». Батюшка был уверен также, что даже своим «ПУСТОСЛОВИЕМ» (то есть необоснованным произнесением Евангельских цитат и русских пословиц и демонстративным неисполнением содержащихся в них истин) он всё равно придёт к прощению и спасению через страдания. Владычка Иоанн говорит о нём так: «И теперь ему без ноги скакать до самой смерти! Ты добрый, не кори его за его пустословие. Через своё пустословие он тоже движется к Богу... И не обозлись за весь этот непорядок вокруг тебя. Если Господь показывает тебе весь этот непорядок – значит, он хочет побудить тебя к восстановлению порядка в твоём сердце» [10, с. 166].

Автор-повествователь акцентирует читательское внимание на том, что пустословие процветает в речах почти всех персонажей романа, возникая от чувства неоправданного превосходства одного человека над другим. Например, Артём считал себя значительно умнее Мити Щелкачева и Авдея Сивцева. Герой рассуждает о них, как о «бестолочах», хотя Сивцев искренне сказал, что без работы он испытывает беспокойство от «праздношатавания» [10, с. 124]. Чувствуя, что Сивцев по-настоящему образован (в отличие от Артёма), зная, что он старше его не менее, чем на пятнадцать лет, и что он обладает «мужицкой сноровкой» и «житейским умом», Артём всё равно «учит» и Митю, и Сивцева, разыгрывая из себя умудрённого старожилу концлагеря, говоря им множество «пустых» слов, но при этом заявляя, что ему приятно их таким образом «поучать» [10, с. 124]. Многие персонажи из-за окружавшего их пустословия считали, что «все слова на свете лишние» [10, с. 185] и молчали в любых ситуациях.

Захар Прилепин в своём романе подметил, что главной причиной массового проявления пустословия в XX веке стал большевистский «пропагандистский язык». Созданный революционерами, «воляпюк» вольно или невольно был впитан советскими людьми. Этим «новоязом» прекрасно овладел бывший студент Артём. Диктуя журналисту Гракову речь о важности спорта в концлагере, он обнаруживал всю лживость пропагандистских построений: «Спорт – это не развлечение. Это отражение грамотно поставленной культурной работы Соцлагерей. Отражение пути,

проходимого исправляющимися, но пока ещё виновными членами общества. Спорт – это ощущение духа, столь же важное, как труд», – чеканил Артём [10, с. 213]. Персонаж не понимал, откуда он взял сочетания слов, которые никогда не были ему свойственны. Он не осознал, что пропагандистское пустословие служит внутреннему устремлению его души к тщеславию, что оно уже пропитало всё его «нутро».

Борис Лукьянович хвалит Артёма, считая его «великолепным оратором – Громокипящим» [10, с. 213]. Из знакового определения, данного поэтом Игорем Северяниным слову «громокипящий», становится понятным, что истоком идей революции были стихотворения некоторых поэтов-символистов, не различавших добро и зло, но обладавших поэтическим даром и поэтому воспринимавшихся как «новые классики» [10, с. 213].

Автор-повествователь вкладывал в слово «изгалялся» своё отношение к Артёму, диктующему журналисту статью, подчёркивая, что за «правильные речи» герою выпишут солидное денежное довольствие «как революционному бойцу-агитатору» [10, с. 214]. О том, что речи Фёдора Эйхманиса, учёного Осипа Троянского, музыканта Мезерницкого и других персонажей были обыкновённым пустословием, говорит также комментарий повествователя, данный Эйхманису. Он был словно иностранец: «Каждую минуту ожидалось, что вдруг он перейдёт на свою, родную ему, речь, и совсем не латышскую, или немецкую, или французскую – а какую-то ещё, с резкими, хрустящими, как битое стекло, повелительными словами» [10, с. 273].

Сопоставляя звучание повелительных глаголов в речи начальника лагеря с неприятными звуками, возникающими, «когда бьют стекло», автор выражает отрицательное отношение ко всем «умовыморочным» речам, к лозунгам, за которыми не было никакой конкретики, а тем более, истины и справедливости [10, с. 228].

Интересны инвективы Василия Петровича Вершилина, гневно обличающего пропагандистское политическое пустословие: «Если б прислушались, сразу осознали бы: всё, что вокруг вас, – какофония! Какофония и белибердовы сказки! И варвары, изъясняющиеся на неведомом наречии, решившие

обучить нас – нас! – своему убогому языку! Своровали всё – страну, свободу, Бога... Теперь ещё и язык воруют – у меня в голове навалены эти слова, торчат углами... «Проклятьем заклеимённый» – это что? Опера из жизни индейцев? «Диктатура пролетариата» – это как? Может, это блюдо? Из чего его готовят? «Интриги Антанты», «весна революции», «светлое будущее», «тяготы царизма», «борьба классов» – а это что такое? Что за воляпюк?» [10, с. 395].

«Уродский язык» используется всеми персонажами машинально. Ткачук, избивая Артёма на допросе, обламывая об него табуретки, при этом обращался к нему на революционно-поэтическом языке, неточно цитируя «песню революции»: «Вставай, заклеимённый» [10, с. 499].

И только на грани жизни и смерти, когда каждый мог быть расстрелян «по колокольчику», «человек больше ничего не говорил, словно берёт каждое своё слово, зная, что до смерти их осталось наперечёт», – подчёркивал повествователь [10, с. 500].

В лагере человек был поставлен по значимости ниже насекомого, которого не жалко раздавить ногой: красноармейцы заставляли всех штрафников раздеваться на входе в бывшую церковь, обещая сжечь одежду и «веселя» друг друга: «Всё одно она вам больше не пригодится, а клопов нечего морозить!» [10, с. 501]. Такой человек только тогда отказывался от пустословия, сберегая каждое слово и цenia его истинность, когда обретал наконец веру в свою бессмертную душу и в то, что он создан «по образцу и подобию» Божьему.

Очевидно, поэтому во второй части романа «Обитель» некоторые персонажи, как будто прозревая губительную суть пустословия, заглядывают в глубины слов и словосочетаний, рождённых революцией (Василий Петрович), а также нового «канцелярита» (Артём Горяинов), желая понять, откуда пришла к ним и заполнила собой их существо «уродская речь», в которой преобладают такие «угловатые и безобразные» антислова [10, с. 557].

Только пройдя через множество страданий, Артём осознал какую-то «подмену»; он узнал, что фактически из-за пустословия погиб его друг – поэт Афанасьев, сам сочинив-

ший двусмысленный пропагандистский лозунг: «Соловки – рабочим и крестьянам!», – но так и не написавший ни единого стихотворения из-за своей неграмотности [10, с. 557].

Апофеозом разоблачения пропагандистского пустословия становится речь Артёма в изоляторе, где герой встретился с убийцами Афанасьева. «Как всё-таки неповоротливо звучит, – злобно и мечтательно делился со всей камерой своими размышлениями. – Артём, послушайте: «Приговор приведён в исполнение». Посмотришь, к примеру, на Санникова – и пытаешься примерить к нему эту фразу – ну, буквально как галстук на шею повязываешь: «Приго-о-о... вор!.. приве-е-е... дён!.. в испо-о-о... лне! ни! е!» Или, Санников, слышишь? – такое ощущение, как будто червь ползёт по животу, вытягивая своё кольчатое тело: приговор приведён в исполнение... Чувствуете, да?» [10, с. 672].

Сокамерники не хотели слушать Артёма, «как будто он был неистребимым злом», как радио, замурованное в стену их изолятора [10, с. 672]. Герой продолжал «мстить словами», показывая всю их злобность и пустоту: «Во-первых, «приговор приведён». Куда он приведён? С чего бы это? Где в этих словах уместается, например, товарищ Горшков? Затем ещё нелепей: «...приведён в исполнение». Исполнение – это что? Лавка? Ресторация? Театральный зал? Зачем туда приводить приговор? Будут ли там кормить? После какого звонка пустят в залу? Что там за исполнение предстоит? Понравится ли тому же Горшкову это исполнение? Оценит ли он его? Может быть, он лишён музыкального вкуса и ничего не поймёт? Уйдёт недовольный?» [10, с. 672].

Доведя до абсурда одну только фразу из арсенала «канцелярских» выражений большевиков, Артём демонстрирует её устрашающую «адскую» пустоту, раскрывает содержащееся в ней разрушительное зло. Но протагонист Прилепина сам не перестаёт пустословить и сочиняет примитивную формулу своей жизни: «Без креста и без хвоста», означающую метание его души между бесовством, безумием и гордыней.

В романе «Обитель» выделена также разновидность «научного» пустословия, на котором строятся речи учёного Осипа Троянского. Этот талантливый учёный не пони-

мает, что его научная речь – это то же самое пропагандистское пустословие. Его прозорливая мать подтверждает эту оценку повествователя, называя сына не «учёным», а «выдумщиком» [10, с. 400]. Рассуждая о научных перспективах экономического развития Соловков, Осип сравнивает их с Африкой, а себя – с «чёрным большевистским рабом» [10, с. 401]. Герой, проявляя крайнюю степень неверия в Бога, говорит о Соловках нелепую ложь: «Здесь никогда не было глубокой жизни ума, <...> Трудовая коммуна, хозяйствование – да. Христос являлся? Быть может. Но русская мысль тут всегда спала – одни валуны вокруг, какая ещё мысль. И Эйхманис эту мысль не разбудит: всё, чем он занимается, – кривляние» [10, с. 400]. Мощь православной России, выраженная символом «Россия – надгробный валун», превратился в «пустой» валун, никому не нужный камень, как и Христос в речах этого псевдоученого Троянского. В этом заключена, по мысли автора романа, трагедия российского государства.

Отец Иоанн справедливо называл пропагандистское пустословие недостойным человека звериным «лаем и мычанием», символизирующим временную победу зла над добром: «Значит, на Господа нашего уповая, есть смысл надеяться пережить и секирскую напасть. Всякий раз, – увлекаясь своей речью, продолжал он, – когда идёшь мимо чёрного околыша или кожаной тужурки, горбишься спиной возле десятника или ротного, думаешь: ведьогреют сейчас дрыном – и полетит дух мой вон, лови его, как голубя, за хвост. Но ведь не бьют каждый раз! И раз не бьют, и два, а бывает, и **человеческое слово** скажут, не только лай или мычанье! И заново привыкаешь, что люди добры!» [10, с. 511].

Важным представляется и то, что в этом эпизоде «пустословие» учёного следует сразу за «пустословием» несостоявшегося студента Артёма, явного «сластолюбца», только что определившего во время совместной трапезы, что рецепт счастья состоит в обжорстве: «Борщ был не просто едой – он был постижением природы и самопостижением, продолжением рода и богоискательством, обретением покоя и восторженным ликованием всех человеческих сил, заключённых в горячем, расцветающем теле и бессмертной

душе. Они съели по три тарелки, пока бидон не опустел. Несколько раз Артём едва не перекусил свою ложку» [10, с. 399].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, выявление в художественном тексте романа Захара Прилепина «Обитель» авторских толкований слов как репрезентантов концептов БЕЗМОЛВИЕ, МОЛЧАНИЕ и ПУСТОСЛОВИЕ в сопоставлении их с данными толковых словарей исторического периода, воссозданного и описанного в произведении, позволяет сделать следующие выводы.

Можно утверждать, что факторами, влияющими на изменения концептуальных признаков, по убеждению повествователя, является революционный слом традиционных христианских ценностей и изменение аксиологической системы в сознании русского человека, в результате чего произошло обесценивание личности и её последующая ужасающая деградация, отразившиеся в резкой динамике базовых концептов русской языковой картины мира.

Автор-повествователь демонстрирует, что ядерное содержание ключевого для писателя концепта БЕЗМОЛВИЕ, близкое к концепту ПОКАЯНИЕ, было почти полностью вытеснено из словарного запаса заключённых Соловецкого лагеря, несмотря на то, что реальные примеры «подвига безмолвного жития» среди монахов имели место.

Показывая актуальность для российского общества нового осмысления действительности посредством сближения содержания периферийной зоны концепта БЕЗМОЛВИЕ с концептом МОЛЧАНИЕ, при котором появились двойственные антиномические интерпретации этих концептов (мудрое молчание, надменное молчание и др.), Захар Прилепин в «Обители» интерпретирует их и использует в качестве оригинального художественного средства образительности. Автор романа подчёркивал, что с помощью изменений периферийных зон содержание концептов БЕЗМОЛВИЕ и МОЛЧАНИЕ, понимание спасительной сосредоточенности на Божьей воле и промысле было профанировано и не ассоциировалось уже с понятием кротости (Филипп – «мелкий мужичок»), по-

этому концепт БЕЗМОЛВИЕ употреблён только один раз в речи владычки Иоанна как выражение надежды на подвиг покаяния грешников.

Концепт МОЛЧАНИЕ обрёл две противоположные интерпретации: спасительное молчание и губительное молчание. Спасительным можно назвать только молчание оставшихся верными церкви священников (отцы Феофан, Иоанн, Зиновий), а также таких глубоко верующих людей, как Митя Щелкачёв и Авдей Сивцев, которым свойственно «хранение уст» от пустословия для выполнения заветов Божьих. Крайней, противоположной точкой осознания персонажами динамики содержания концептов БЕЗМОЛВИЕ и МОЛЧАНИЕ становятся интерпретации концепта ПУСТОСЛОВИЕ.

В романе «Обитель» появляются авторские интерпретации, выполняющие функцию художественной инвективности, разоблачения зла и безумия через пустословие.

Помещённые многократно в художественное пространство романа Захара Прилепина авторские интерпретации пропагандистских речей как пустословной и изощренной лжи, свойственной многим персонажам (Эйхманису, красноармейцам, Галине, Артёму, Афанасьеву, Бурцеву и многим другим), позволяют автору «Обители» выделить несколько разновидностей пустословия, очевидно, для того, чтобы продемонстрировать огромные масштабы его распространения: 1) поэтическое пустословие – это страсть к «пустозвонству», увлечение внешней красотой, музыкальностью поэтических фраз, не наполненных глубоким содержанием и не направленных на добро (Артём, поэт Афанасьев, Мезерницкий, пролетарские поэты и др.); 2) научное пустословие (псевдонаука Осипа Троянского); 3) политическое пустословие (речи представителей власти и Артёма Горяинова), которое ассоциируется со словесным кривлянием, какофонией советских идеологических формул, лозунгов и выражений и резко разоблачаются повествователем и его персонажами во второй части романа «Обитель»; 4) бытовое пустословие (отсутствие за речами конкретных дел: Артём, Афанасьев, Филиппок).

Символично, что бывший студент Артём, выслушав псевдоученого Осипа Троян-

ского, определяет процесс произнесения его речи тем же словом, которым охарактеризовал автор-повествователь слова самого Артёма, – «изгаляется», то есть становился голым, обнажает скверну своей души, не верящей ни во что высокое. Тем самым Захар Прилепин, как нам представляется, подчёркивал, что концепт ПУСТОСЛОВИЕ, несмотря на все разновидности, имеет одну причину: отказ от Веры, высшим духовным подвигом которой был подвиг БЕЗМОЛВИЯ, то есть сосредоточение всего себя на слове и законе Божьем.

Автор «Обители» констатировал, что не только во всех разновидностях пропаганди-

стского пустословия, но и в любых грубых словесных нападках, укорах и злоречии, сказанном ради мести своим врагам «за други своя», живёт губительное для души человека «окамененное нечувствие» к боли ближнего.

В результате изучения динамики концептов БЕЗМОЛВИЕ, МОЛЧАНИЕ и ПУСТОСЛОВИЕ становится очевидным, что в авторских интерпретациях усилена их обоюдная оппозиционность, что движение к содержанию, близкому к концепту ПУСТОСЛОВИЕ, заводит человека в тупик, что риторическим идеалом русского мира всегда было и остаётся «золото молчания», достигнутое через Веру, Надежду и Любовь.

Список литературы

1. Бердникова О.А. Роман З. Прилепина «Обитель» как феномен современной русской прозы: контексты понимания // «ИЩИТЕ ЖЕ ПРЕЖДЕ ЦАРСТВИЯ БОЖИЯ И ПРАВДЫ ЕГО» (Мф. 6:33): материалы 12 Междунар. форума. Липецк: Липецк. гос. пед. ун-т им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 105-107.
2. Попова И.М. Амплитуда исторического пути России сквозь призму трансформированных концептов «Правда Господня» и «Своя Правда» по роману Захара Прилепина «Обитель» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-2 (54). С. 144-150.
3. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
4. Колесов В.В., Колесов Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 1. А–О. 592 с.
5. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. 4-е изд., испр. и доп. Тамбов, 2014. 231 с.
6. Мэн У. Толковые словари как отражение эволюции языковой картины русского народа: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. Тамбов, 2018. 222 с.
7. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова: в 10 т. М: Астрель, 2000. Т. 1. 845 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: ОНИКС 21 век, 2004. 1200 с.
9. Колесов В.В. Принципы словаря русской ментальности // Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 2. С. 527-552.
10. Прилепин З. Обитель: роман. М.: АСТ; ред. Е. Шубиной, 2015. 746 с.

References

1. Berdnikova O.A. Roman Z. Prilepina «Obitel'» kak fenomen sovremennoy russkoy prozy: konteksty ponimaniya [Prilepin's novel "Abode" as a phenomenon of modern Russian prose: conception contexts]. *Materialy 12 Mezhdunarodnogo foruma «ISHCHITE ZHE PREZHDE TSARSTVIYA BOZHIIYA I PRAVDY EGO» (Mf. 6:33)* [Proceedings of 12th International Forum "SEEK FIRST OF ALL THE KINGDOM OF GOD AND HIS TRUTH" (Matthew 6:33)]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical P.P. Semenov-Tyan-Shansky University, 2017, pp. 105-107. (In Russian).
2. Popova I.M. Amplituda istoricheskogo puti Rossii skvoz' prizmu transformirovannykh kontseptov «Pravda Gospodnya» i «Svoya Pravda» po romanu Zakhara Prilepina «Obitel'» [The amplitude of historical way of Russia through the lenses of the transformed concepts "God's Truth" and "One's Own Truth" based on the novel by Zakhar Prilepin "Abode"]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2015, no. 12-2 (54), pp. 144-150. (In Russian).
3. Stepanov Y.S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury. Izd. 2-e, ispr. i dop.* [Constants: Dictionary of Russian Culture. 2th ed. Rev. and Add.]. Moscow, Akademicheskii Proyekt Publ., 2001, 990 p. (In Russian).

4. Kolesov V.V., Kolesov D.V., Kharitonov A.A. *Slovar' russkoy mental'nosti: v 2 t.* [Dictionary of the Russian Mentality: in 2 Vols.]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2014, vol. 1, 592 p. (In Russian).
5. Boldyrev N.N. *Kognitivnaya semantika: vvedeniye v kognitivnuyu lingvistiku: kurs lektsiy. 4-e izd., ispr. i dop.* [Cognitive semantics. Introduction to Cognitive Linguistics: Lecture Course. 4th ed. Rev. and Add.]. Tambov, 2014, 231 p. (In Russian).
6. Men U. *Tolkovyye slovari kak otrazheniye evolyutsii yazykovoy kartiny russkogo naroda: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 – Russkiy yazyk* [Explanatory Dictionaries as a Reflection of the Evolution of Russian People Linguistic World-Image. Cand. philol. sci. diss. abstr.: 10.02.01 – Russian Language]. Tambov, 2018, 222 p. (In Russian).
7. Ushakov D.N. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 10 t.* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 10 Vols.]. Moscow, Astrel Publ., 2000, vol. 1, 845 p. (In Russian).
8. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Language]. Moscow, ONYX 21st Century Publ., 2004, 1200 p. (In Russian).
9. Kolesov V.V. *Slovari slovarya russkoy mental'nosti* [The principles of the dictionary of Russian mentality]. *Slovar' russkoy mental'nosti: v 2 t.* [Dictionary of Russian Mentality: in 2 Vols.]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2014, vol. 2, pp. 527-552. (In Russian).
10. Prilepin Z. *Obitel': roman* [Abode: Novel]. Moscow, AST Publ., 2015, 746 p. (In Russian).

Информация об авторах

Глазкова Марина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии. Тамбовский государственный технический университет. г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: rusfilol37@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, подбор первичного материала, поиск литературы, обработка и редактирование материала, окончательное одобрение рукописи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0518-9896>

Вуколова Варвара Сергеевна, кандидат филологических наук, старший педагог дополнительного образования кафедры русской филологии. Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: var.varina2010@yandex.ru

Вклад в статью: обзор литературы, анализ художественного текста, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9726-0199>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Глазкова Марина Михайловна
E-mail: rusfilol37@mail.ru

Поступила в редакцию 10.04.2020 г.
Поступила после рецензирования 15.05.2020 г.
Принята к публикации 22.05.2020 г.

Information about the authors

Marina M. Glazkova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian Philology Department. Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation. E-mail: rusfilol37@mail.ru

Contribution: main study conception, source material acquisition, literature search, materials processing and editing, final manuscript approval.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0518-9896>

Varvara S. Vukolova, Candidate of Philology, Senior Teacher of Additional Education of Russian Philology Department. Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation. E-mail: var.varina2010@yandex.ru

Contribution: literature review, literary text analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9726-0199>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Marina M. Glazkova
E-mail: rusfilol37@mail.ru

Received 10 April 2020
Reviewed 15 May 2020
Accepted for press 22 May 2020